

Стоит вспомнить слова из телеграммы генерала Брусилова к князю Львову от 19 апреля 1917 года: «Местом созыва Учредительного собрания должна быть, по всей справедливости, первая столица русской земли. Москва исконно русская и бесконечно дорога русскому сердцу. Я заявляю, в качестве русского гражданина, что считаю законченным петербургский период русской истории».

А вот другое высказывание А.И. Ваксберга в книге «Лиля Брик. Жизнь и судьба»: «После бегства ленинского правительства в Москву (март 1918г.) центр культурной жизни, естественно, переместился в новую, то бишь в старую - допетровскую - столицу». Здесь мы наблюдаем каверзное насмехание над нашей истинно русской столицей Москвой. Его «то бишь в старую - допетровскую - столицу», то есть в допетровскую, якобы дикую Русь. Эти мелкие уколы в адрес великого русского народа слишком долго не могут быть не замеченными. У нас всегда была своя, русская культура, которую инородцы не могут понять по сей день. Так что всякие ваксберги, швондеры, швыдки не могут нам навязывать отрицательное отношение к русской культуре и истории.

Из воспоминаний В. А. Лакшина: «Булгаков смело вводил в литературу то, что считалось «грязной», низкой или запретной. Для описания стороны жизни, но находил для этого изящные формы». И мы с Вами можем наблюдать изящные формы.

Среди руководителей Белого Движения фигура Генерального Штаба генерал-лейтенанта Василия Георгиевича Болдырева представляет особый интерес. Она кажется весьма непонятной и противоречивой. Конечно, в годы глупо-преступной Первой Мировой войны, а тем более гражданской, уже никого ничем не удивить. Но все же...

Родился он 5(17)04. 1875 года в семье крестьянина-кузнеца. Закончил церковно-приходскую школу. Ю.П. Власов в своей книге «Огненный Крест» пишет, что «до пятнадцати лет Василий Болдырев махал молотом в кузне отца, но при всём том успешно выдержал экзамены в Пензенское Землемерное училище». После обучения в нём он поступает в Военно-Топографическое училище в Санкт-Петербурге, которое заканчивает в 1895 году.

Генерального Штаба генерал-майор, затем будущий перебежчик к большевикам и генерал-лейтенант Красной армии граф А.А. Игнатьев утверждал, что офицеры-топографы были самыми бедными и «непрестижными» в Русской армии. Однако и весьма грамотными и умными, надо сказать! А что до престижа, то гвардейско-кавалерийские и другие «престижные» офицеры, среди которых было полно алкоголиков и сифилитиков, глупцов и неучей, куда как лучше! Бывший офицер л.-гв. Кирасирского ея Величества полка, а впоследствии жалкий приживала в Совдепии, князь Трубецкой в своих «Записках кирасира» красочно повествовал о нравах и быте своих сослуживцев и современников. В Николаевском кавалерийском училище почётным считалось среди многого прочего подцепить «болезнь, о которой в приличном обществе громко не говорят». Невежество приветствовалось. «Цук», эта предтеча современной «дедовщины», возводился в ранг «славной училищной традиции». Офицер-эмигрант капитан В.А. Ларионов описывает ситуацию в Константиновском артиллерийском училище уже при «демократии» в 1917 году. Там были юнкера из бывших воспитанников кадетских корпусов – «привилегированные», а также все прочие, бывшие из студентов, гимназистов, реалистов, к которым вышеупомянутые юнкера относились «с высоты кадетского достоинства с чувством отчужденности и некоторого презрения». Дальше: «кадеты принесли в училище свои традиции и навыки своеобразной военной бурсы... ..традиционного юнкерского «цука» со стороны старшего... ..курса мы не испытывали, так как... ..курс был не кадетский, а студенческий, и назначенные в нашу батарею фельдфебели и взводные унтер-офицеры были все бывшие студенты, главным образом высших технических учебных заведений и многие из них — фронтовики. Это была интеллигентная, культурная молодежь, которой школа войны придала еще лучшую шлифовку. Однако эти старшие юнкера,говорившие друг другу «вы» или даже «коллега», не признающие ни училищного «цука», ни старых традиций «Дворянского полка», ни старых юнкерских песен, не пользовались у новых молодых юнкеров из кадетов большим уважением. Их терпели [sic! И.И.] за их портупейские,

унтер-офицерские погоны, темляки, а у иных и за Георгиевские крестики с фронта». Бравые же юнкера из кадетов «если даже чувствовали в глубине души, что старший юнкер (из студентов) прав, в их глазах он все-же оставался «сугубым, убогим шпаком», а такое существо никогда и ни в чём не могло быть правым, и могло заслуживать лишь жалость в презрение к своей «убогости»». Ларионов пишет, что бывшие кадеты перенимали «от своих старших братьев, друзей и отцов училищные традиции, знали неписанные законы и ревниво следили за их выполнением». Тот, кто противился этому бреду, становился «вне закона, исключался из «товарищеской среды»». А вот и образчик «славных традиций»: ...«должен был состояться ночной «парад»: в полночь надо было подняться с кровати, снять рубашку и на голое тело надеть пояс и шашку, на ноги — шпоры и на голову фуражку. В таком виде отделения батареи идут в коридоры, где проводится «парад», который заканчивается воинственными криками и бегом сотни голых со шпорами и шашками по коридорам. Дежурный офицер, знающий училищные традиции, не выходит в эту ночь из комнаты и делает вид, что ничего не слышит. После «парада» отдельные кадетские группы устраивают в спальне «собаку». Так называется кадетский товарищеский ужин [sic! И.И.]. Не принявшие участие в «параде» несколько юнкеров «со стороны» были по возвращении с «парада» выброшены из кроватей». «Перпендикуляр» [так это называлось, И.И.]... «Поставить его, это значило поднять кровать намеченной жертвы резким рывком вверх с таких расчетом, чтобы голова жертвы оказалась на полу [это спящего-то! И.И.], а тело находилось бы в нелепой позе, заваленное матрасом, одеялом и досками... ..их [кадетов, И.И.] шалости, шутки и остроты были типичны для закрытой военной школы». Этот «перпендикуляр» к «шпакам» мог употребляться просто так, из пакости. Далее рассказывается о воровстве котлет для кадетской «компаши» из кухни, чтобы «шпаки» ходили голодными, И последнее: «...некадетская компания не делила мир на два лагеря: военных и статских. ... [а для кадетов же, И.И.] первый лагерь – «свой» – был положительным, второй лагерь... был чужой, отрицательный, не сулящий вообще ничего хорошего». Кадеты гордились своим абсолютным монархизмом. Но такие верноподданные хуже всякого врага. Нынешние козлотородые монархисты из бывших коммунистов восхищаются такими: «зато они умели красиво умирать, не кланялись пулям и снарядам в лихих [и глупых, с огромными потерями, И.И.] атаках!» Ну, это к слову.

В 1903 году, в возрасте 28 лет, В.Г. Болдырев заканчивает академию Генерального штаба по первому разряду, участвует в войне с Японией, где был ранен и награжден за храбрость. С 1911 года он преподает в стенах своей Академии. Ему тогда было всего 36 лет. В.Г. Болдырев становится профессором, получает учёную степень. «За ним уже почётный список ученых трудов».

В июле 1914 года он начальник штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Награждён Георгиевским оружием за бои под Ивангородом, за оборону Осовца – орденом Св. Георгия 4-й степени, после разгрома австрийского корпуса под Красниками – чином генерал-майора. Болдырев был генералом для поручений при командующем 4-й армией,

а затем, с августа 1916 года, генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта. Ю.П. Власов в уже упомянутой книге утверждает, что «судьбе было угодно, чтобы отречение Николая Второго произошло на глазах Болдырева». И что акт, точнее две телеграммы бывшего Императора, какое-то время хранились у него, переданные Командующим фронтом генерал-адъютантом Н.В. Рузским, настойчиво уговаривавшим Царя отречься.

Летом 1917 года генерал Болдырев командует 43-м армейским корпусом 12 армии Северного фронта. 19 августа он участвует в боях под Ригой, закончившимися потерей этого города в ночь на 21-е число. Потери Русских войск составили 25.000 человек, из которых ок. 15.000 пленными и пропавшими без вести, как правило дезертирами. Германской армии достались богатые трофеи: «273 орудия, 256 пулеметов, 185 бомбомётов, 48 минометов» и многое другое. Крах армии стал очевидным.

Но здесь следует отметить: на многих воинских чинов (в основном офицеров и генералов) еще задолго до войны нашло какое-то не то затмение, не то повальное сумасшествие. Навязчивой идеей стала неременная война с Германией. Со времен разухабистого героя Шипка и «Белого генерала» М.Д. Кобелева-Скобелева, со свирепым упорством везде вопившего что «главный враг России – немец» и что неизбежно столкновение «славян и тевтонов» и победа первых над последними. Сей не лишённый военных оперативно-тактических способностей и определённой личной храбрости честолюбец, но, с другой стороны, — мот, развратник и любитель выпить, выпускник католического французского учебного заведения, строил свои выводы из событий собственного детства; что, мол были у него два гувернёра, один _ отвратительный немец, а другой – замечательный француз. Наверняка немец просто пытался несколько приструнить буйную ретивость юного Миши, в отличие от «развесёлого» француза. «Белый генерал» делал многочисленные антинемецкие заявления ¹ в России и Франции, вынуждая отписываться за свои фокусы Русское Министерство Иностранных Дел в Берлин, что «это только частное мнение генерала Скобелева». Будучи вызван «на ковер» к Александру III, «Герой Шипки» жалобно пискнул при входе «приношу повинную голову, русское сердце заговорило». Вышел он оттуда сияющим: мало того, что простили, да еще потом передали через сестру _ придворную даму, что рады его видеть в любое время, А ведь в разговоре с Александром III речь шла не только о германофобских выходках генерал-адъютанта и провоцировании войны в Европе. Миша сам восхотел быть Императором Всероссийским! В достижении своей цели не брезговал ничем: он готов был даже на союз с революционерами! Пытался встретиться в Париже с Лавровым, но тот не пожелал его видеть, мотивируя это тем, что, мол де, ему не о чем говорить «с царским генерал-адъютантом». Но... царь Скобелева простил. После «весьма почётной» смерти в публичном доме в постели проститутки Ванды, поползли слухи об «отравлении» «Белого генерала». Обвиняли Германию, конечно. А еще... Александра III ².

Генерал Н.А. Епанчин благородно возмущался по поводу статьи в одной из немецких газет, в которой говорилось, что «мы не можем скорбеть по поводу смерти генерала

Скобелева». Ну, представим себе, что к Вам в дверь постоянно звонит людоед и говорит, что собирается Вас сожрать. И вдруг, Вы узнаете, что он умер, Станете Вы об этом скорбеть? Где же логика у генерала-педагога Епанчина? Также интересны выводы «Белого генерала» о том, что «всю Россию заполонили немцы и вредят славянам». Если перечислить, сколько сделали пользы России ее подданные (да и «завербовавшиеся») немцы, скобелевский бред будет полностью опровергнут. Амбиции и поведение Кобелева-Скобелева

з

также позволяют выдвинуть гипотезу о его кровном (незаконном, естественно) родстве с царствовавшей Фамилией. Ну и в завершение последний мазок кистью: ненавидя Германию и немцев, генерал-адъютант Скобелев во время Войны 1877-78гг с турками проявлял слюнявый гуманизм по отношению к последним, а с пленным Осман-пашой «подружился и приставил к нему почётный караул». Башибузуки - переднеазиат для «Белого» генерала был во сто крат милее европейца - немца!

Скобелевская истерика была подхвачена и развита его последователями. Ретивые головы додумались до следующего: вот, завоюем и ограбим Германию, поделимся с «благородной Францией», раздадим дома награбленное, и не будет у нас никакой революции. Курс Александра III на союз с Францией (при этом совершенно «не страдали» монархические принципы) уже был губительным для Российской Империи. Займы у еврейско-французских банкиров и заключенный впоследствии неравноправный военный союз, который поставил Русскую армию в зависимость от французской Главной квартиры. Фанфаронисто проиграв (!!!) войну с Германией, французы жаждали реванша, новой войны и... крови русских солдат. Будучи на словах охранителями всего русского, правители России превращались в еврейских должников и подчиненных (без рассуждений!) французских генералов-масонов, вроде будущего генералиссимуса Жоффра. Уже упомянутый граф Игнатъев писал, что в армии Французской Республики генерал, не состоящий в масонской ложе, не мог рассчитывать на удачную карьеру. Взвинтили же антигерманскую истерию: пресловутый известный психиатр Бехтерев (в будущем работавший над созданием массы коммунистических зомби), генерал-адъютант Брусилов, генерал Лечицкий и Великий князь Николай Николаевич. Последний, как пишет в своих наивных, но во многом правдивых мемуарах князь Гавриил Константинович Романов, после начала войны устроил ритуальное сожжение своего германского шефского мундира, а затем закатил воинственную истерику, размахивал шашкой и «страшно кричал». Еще до войны, Великий князь Николай Николаевич, будучи практически немцем по крови и себя таковым не считая, воинственно мечтал «накласть» Германии. В 1918 году в Крым, где он находился при большевиках, вступили части Германской армии. Представители немецкого командования нанесли ему визит вежливости, предложили охрану. Но неудачливый экс-Верховный Главнокомандующий и Наместник Кавказа гордо-де отказался. И тогда «ужасные немцы» ... позволили ему сформировать охрану из русских офицеров. Еще один штрих: в 1915 году для скорейшего достижения победы Николай Николаевич «выдал» секретный приказ о замене различного рода арестов поркой, надеясь по выражению С. Кремлёва в книге «Россия и Германия. Стравить!» вбивать мысли о победе через солдатские задницы.

Этим поспешили воспользоваться все тот же Брусилов и брат писательницы «Тэффи» генерал Н.А. Лохвицкий, опозорившийся перед своими союзниками – французами. Впоследствии в эмиграции во Франции (а где же еще!) Великий князь Николай Николаевич вроде бы уже ничего германофобского не делал. Генерал-адъютант А.А. Брусилов, воинствующий славянофил и ненавистник всего немецкого, делавший разнообразные заявления вышеупомянутого характера, став впоследствии большевистским «военным специалистом», признал, что «с Германией нам нечего было делить». Психиатр-экспериментатор В.М. Бехтерев вопил во всяких «славянофильских» изданиях о немцах как об извергах и всю работу по оболваниванию людей с помощью студентов (типа пресловутой Ларисы Рейснер) своего «Психоневрологического института». Германофобия сочеталась у него с революционной пропагандой. После неоднократных визитов его учеников на Балтийский флот там явно произошло нечто в феврале-марте 1917 года, а именно – бессмысленные садистские зверства матросов. Позже он, как уже упоминалось, всю жизнь трудился над созданием зомбированных масс коммунистов-фанатиков, готовых выполнить любой приказ. Но «передовой психиатр» осёкся на И.В. Джугашвили-Сталине, поставив последнему преувеличенный (но повлёкший роковые для Бехтерева последствия) диагноз. Генерал П.А. Лечицкий во время Первой Мировой войны имел беседу (находясь в явном подпитии) с писателем А.И. Куприным, ордынские внешние черты которого привели его в полное восхищение. Генерал Лечицкий считал, что для русского народа и армии больше всего подходит... ислам. Тогда бы «мы навели ужас на всю Германию». В довершение следует добавить, что все они, кроме Великого князя Николая Николаевича, старательно вылизывали большевистские задницы.

Конечно, развал Вооруженных Сил был трагедией. Но почему же большинство офицеров и генералов (уже в условиях «демократии») все ратовали за «войну до победного конца»? И это несмотря на то, что их всячески унижали, а то и убивали вышедшие из повиновения пьяные, распоясавшиеся солдаты. Почему же никто не опередил большевиков с их «миролюбивыми» лозунгами и тем самым не спас Россию? Верность союзникам? Договорились бы как-нибудь. Видать и тут поработали Бехтерев и К⁰, превратив очень многих в безумцев, совершенно не заботящихся о спасении собственного дома: разделив и натравив их друг на друга.

Прославляемый нынче многими (но, как мы увидим ниже, далеко не всегда умелый и безгрешный) «кристально честный» генерал А.И. Деникин уже в 1918 году заявил, что немцы для него враги №1, а большевики только затем. И это при том, что Германская армия положительно (особенно в начале) относилась к Добровольческой. Антон Иванович видите-ли «хранил верность» союзникам по Антанте, а затем в 1920 году в Новороссийске бросил огромное количество чинов Вооружённых Сил Юга России и поставленной Антантой же (в основном Соединённым Королевством) техники, боеприпасов, продовольствия и разного имущества в подарок Красной армии. Себя, любимого, спас, конечно, оставив расхлебывать кашу (брошенного им Белого Движения)

нелюбимого им генерала П.Н. Врангеля. В эмиграции Деникин занимался жалким блефом о своей «активной деятельности».

Еще экс-Министр Внутренних дел П.Н. Дурново предупреждал Николая II о ненужности и опасности войны с Германией. У России ведь столько внутренних проблем! Она только что пережила кровавую революцию 1905-07гг. Только всё стало налаживаться. Не желали этой войны ни граф С.Ю. Витте, ни П.А. Столыпин. От неё отговаривал Императора и Г.Е. Распутин-Новых, который своим крестьянским умом доказывал Николаю Второму: «у немца учиться надо, а не воевать с ним». Григорий Ефимович при этом вспоминал своё посещение немецких колоний. Интересное совпадение: в 1914 году почти одновременно были совершены покушения как на австрийского Эрцгерцога Франца-Фердинанда, так и на Распутина! Эрцгерцог был противником войны с Россией, желал преобразования Австро-Венгрии в Австро-Венгро-Славию (триединую монархию), где славянское население получило бы равные права с немецким и венгерским.

Партия войны в России, руководимая Пуанкаре-«Война» и Ко, через сербского полковника Д. Дмитриевича (Аписа) усиленно подталкивала Всероссийского Императора к войне. Брусиллов пугал (правда уже задним числом): «не заступиться за Сербию он [Николай Второй, И.И.] не мог, ибо в этом случае общественное негодование со стихийной силой сбросило бы его с престола... ..в 1914 году. После этого есть смысл говорить о подготовке революции бехтеревцами и компанией и в 1914г. под маской славянофильства. И все-же революция тогда была еще нереальной. Надо отдать должное Императору: Николай II долго не решался на войну, предчувствовал что-то нехорошее, но под нажимом вышеупомянутой «партии» вступил в войну с Австро-Венгрией и Германией, подписав тем самш и себе, и своей семье смертный приговор, свержнув Россию в её Вторую Большую Смуту.

К моменту октябрьского переворота генерал-лейтенант Болдырев командует 5-й армией. Да, многие тогда тяжело переживали происходящее в России. Вид пьяной, гадкой солдатни и матросни кого угодно мог привести в дрожь и омерзение. Революция ужасна. Но почему же мало кто зрил в корень этого? А? Пресловутых Ильича и Ко называли шпионами Германии, прибывшими в опломбированном вагоне. А тогда отчего же его по прибытии в Петроград при Временном правительстве встречал почётный караул и оркестр, а не тюремный автомобиль или такого же рода карета? Вся эта демониада прибыла в столицу в качестве как обменённых «военнопленных» (sic!). Да здравствует Временное правительство! Что здесь еще сказать.... Случайно застигнутый февральской революцией «пролетарский вождь» поспешил в Россию за властью, полной, неограниченной. Генерал Болдырев писал: «нет ничего странного в этой политике Ленина, всё очень даже логично. Ленин согласен на все для захвата власти своей партией. Во имя этого захвата следовало обездвигнуть армию – опору любого

государственного строя. И Ленин это организует. Весь семнадцатый год армия буквально разваливается по частям. Для большевиков нет понятия Родины. Они провозглашают вредным, кабальным, буржуазным само это понятие... ..Большевикам важна лишь их политическая доктрина. Нет их, большевиков, и пусть треснет Россия, провалится, изойдёт дымом и прахом. Именно под этим углом зрения они толкуют русскую историю: ...недоумочная (она) без них, ленинцев». Так оно и было. Свергнув жалкое Временное Правительство, они наконец-то у цели. Как писал И.А. Бунин: «Но вот, наконец, воцаряется косоглазый, лысый, картавый сифилитик Ленин». И, добавим, Бронштейн-Троцкий. Выполнять распоряжения этой компании генерал-лейтенант Болдырев отказывается. Тогда р-революционный «верховный главнокомандующий» доблестный прапорщик Н.В. Крыленко арестовывает его. С середины ноября 1917 года по 2 марта 1918-го генерал содержится в Петропавловской крепости. Правда, его выпустили. Может быть, спасло происхождение или наметившаяся ещё в 1917 г. близость Болдырева к «левоцентристским» полуэсеровским кругам, кто знает. «По воспоминаниям очевидцев, вернулся он из тюрьмы, разменяв темный цвет своих волос на белый. Вскоре волосы полезли так, что Васдий Георгиевич мог их рукой снимать». Останься он в красном Петрограде, то смерти ему бы не миновать. После короткой «передышки», как писал жандармский генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов, начался мощный виток массовых убийств офицеров и генералов. Василий Георгиевич Болдырев принимает решение о борьбе с большевиками. Он становится одним из организаторов «Союза Возрождения России». Этот союз, пишет он, «включал все политические течения от левых кадетов до умеренных социалистов -революционеров, в союз входили и беспартийные элементы: военные, трудовая интеллигенция, чиновничество и пр». Другой политической группировкой, где по данным советских историков Болдырев состоял, был «Национальный Центр», куда вошли представители высшей царской бюрократии, представители крупных промышленников, землевладельцев и т.д.». Т. е. один явно «розовый», а другой – «белый». Василий Георгиевич отмечает: «Огромная пропасть, лежавшая между крайним правым и крайним левым крылом тогдашней русской общественности, враждебной овладевшим властью большевикам, конечно, мешала им объединить ся даже для борьбы против общего врага». Генерал считал прежний строй себя изжившим, но «теперь даже этот строй начинал представляться верхом демократичности и вообще уюта». А советскую власть именовал в своём дневнике «красным кошмаром, который... давит и душит... Родину». Он ненавидит большевиков всей душой. Центром борьбы с ними считает восточную часть России: «Симпатии мои определенно были на стороне Волги и Сибири, куда в июле 1918 года я и отправился как делегат «Союза Возрождения России» для участия в Государственном Совещании по созданию единой, объединяющей, центральной власти». Большевизм для него – оккупация России захватчиками. Болдырев выезжает в Киев, где повидается и простится со своей семьей. Переодетый в солдатскую форму, отпустив бороду, он прибывает на Волгу. В сентябре-октябре 1918 года участвует в Уфимском Государственном Совещании. Вошел в состав директории (Авксентьев, Зензинов, Виноградов, Вологодский, Болдырев), Интересно, что Командующий Добровольческой Армией (куда Болдырев не поехал) генерал Л.Г. Корнилов, также стремился в Сибирь, где по его мнению, он мог возглавить антибольшевистское движение. И Корнилов, и Болдырев, и Колчак не придерживались монархических взглядов. Как и многие другие руководители Белого Движения! Но стоит отметить, что

ТАЙНА ГЕНЕРАЛА БОЛДЫРЕВА

Автор: Игорь Геннадиевич Иванов
09.05.2014 23:48 -

при всей «розовости» Болдырева, Василий Георгиевич – все же сторонник национального возрождения России. Генерал это везде подчеркивал. Он считал необходимым образование широкого антибольшевистского движения, объединения для борьбы с общим врагом. Разберемся потом. Главное – свергнуть козлотородых. Кстати, Начальником Штаба у Болдырева в бытность Василия Георгиевича Верховным Главнокомандующим (даже формально – всех антибольшевистских вооружённых сил России) оказался генерал-лейтенант С.Н. Розанов. Он был право-монархических взглядов, но никаких конфликтов между ними не было. Хорошие отношения у В.Г. Болдырева были и с другим монархистом – генералом М.К. Дитерихсом, что подтверждает возможность тогдашнего сотрудничества людей с разными политическими убеждениями. Правда, военные всегда сходятся легче. Прав ли он был? Теоретически да: если бы такое произошло, большевизму в России быстро пришел бы конец. Но на практике это оказалось очень тяжело: не желавшие признавать никаких компромиссов крайние монархисты и крайние социалисты тормозили, а то и прямо разваливали все дело. Им хотелось только полной власти, а о России они не думали. Тем не менее 24 сентября 1918 года произошло следующее:

«Указ Временного Всероссийского Правительства
г. Уфа №2 11/24 сентября 1918г.

Члену Временного Всероссийского Правительства генерального штаба
генерал-лейтенанту Василию Болдыреву вручается

Верховное Главнокомандование всеми

Российскими Вооружёнными Силами.

Члены Временного Всероссийского Правительства:

Николай Авксентьев, Владимир Зензинов, Василий Сапожников.

Временный Управляющий делами А. К.

Председателем Совета министров стал профессор Петр Васильевич Вологодский. При Верховном Главнокомандующем ген. Болдыреве армия носила погоны, а не нарукавные шевроны, как до сентября 1918 года и ее не лихорадило, не было конфликтов между военачальниками. Засверкали новые военные таланты: А.Н. Пепеляев, А.И. Дутов, Г.М. Семенов, Р.Ф. Унгерн-Штернберг фон-Пильхау, В.О. Каппель, Р. Гайда, Р.К. Бангерский, Г.К. Старк и многие другие. Значит ему всё-же что-то удалось? Но, увы, и «бело-розовые» Директория и Совет Министров снова не удовлетворяли ни крайне правых, ни крайне левых. Болдырев считает главным _ возрождение Общерусской Армии. «Без такой армии невозможна Единая и Неделимая Россия». Но вскоре всё резко меняется. В Омск прибывает с Дальнего Востока вице-адмирал А.В. Колчак. Он впоследствии говорил: «... о моем приезде узнал Болдырев. Это был первый из членов Директории, который прислал ко мне адъютанта и пригласил к себе. Болдырев задал мне вопрос, что я намерен делать. Я сказал, что хочу ехать на Юг России и никакого определенного дела у меня нет, и я хочу выяснить вопрос, как туда проехать. Он мне сказал: Вы здесь нужнее, и я прошу Вас остаться... Я думаю Вас использовать для более широкой задачи, но я Вам об этом скажу потом. Если Вы располагаете временем, останьтесь на несколько дней. Я сказал, что я человек свободный, у меня есть телефон... если он позволит поставить его на ветке, я могу ждать дальнейших его указаний... Болдырева я раньше никогда не знал, но его фамилия была мне известна. Я считал его фигурой довольно крупной. Он образованный офицер... Но его деятельности я не знал: частью лишь слышал о нем, скорее положительные, хорошие отзывы». Через два дня генерал-лейтенант Болдырев снова вызывает вице-адмирала Колчака и предлагает ему пост Военного и Морского Министра, который последний, после некоторых, по его словам, колебаний согласился принять.

Недовольные, действительно весьма отвратительным поведением социалистов, правые кадеты и офицерство готовят вооруженное выступление. Болдырев считает это вредным для общерусского дела. Он сообщает об этом своему Начальнику Штаба генерал-лейтенанту С.Н. Розанову и Командиру Степного корпуса генералу Матковскому и требует «энергичного подавления любых посягательств на законную власть». Сам Василий Георгиевич отбывает на фронт, чтобы выяснить «ввиду политически сложной обстановки в Омске настроение боевых частей» и «разрядить напряженную обстановку у Бугульмы, где к ноябрю большевики имели уже двойное превосходство в силе» и все труднее становилось их сдерживать. На другой день Болдыреву встретился английский поезд с вагоном Военного и Морского Министра вице-адмирала А.В. Колчака, который прибыл к нему с докладом по распоряжению генерал-лейтенанта. «Он... соглашался с гибельностью и несвоевременностью каких бы то ни было переворотов. Он или очень впечатлителен, или хитрит...», писал Болдырев.

ТАЙНА ГЕНЕРАЛА БОЛДЫРЕВА

Автор: Игорь Геннадиевич Иванов
09.05.2014 23:48 -

Болдырев в центре, в окружении офицеров и солдат. Фотография сделана в 1945 году в Чкаловске. В центре фотографии виден генерал Болдырев, окруженный другими военными. Фотография является частью архива, связанного с деятельностью Болдырева.